Свидетель

Автор:
Тесс Герритсен

Свидетель

Тесс Герритсен

Иностранный детектив

Ненастным осенним вечером Кэти Уивер сбила на мокром шоссе мужчину. На следующий день была зверски зарезана Сара, лучшая подруга Кэти. С тех пор жизнь женщины сделала крутой поворот. Тот, кого она оставила в больнице полуживым, заявился к ней домой и утверждает, что после Сары и ей самой грозит смерть. В подтверждение его слов квартиру женщины обстреляли. Теперь Кэти Уивер и Виктору Холанду предстоит борьба не на жизнь, а на смерть. Ведь Виктор – единственный свидетель страшных научных экспериментов, грозящих человечеству ужасными последствиями…

Тесс Герритсен

Свидетель

Пролог

Ветки хлестали по лицу, сердце стучало так, что казалось, вот-вот вырвется из груди, но он все бежал и бежал, потому что не мог остановиться. Преследователь нагонял. Еще немного, и пуля прорвет ночь и ударит в спину. А может, уже ударила. Может, за ним уже стелется кровавый след. Онемев от ужаса, он не чувствовал ничего – осталось одно лишь жадное, отчаянное

стремление выжить. Дождь бил в лицо, холодный, колючий, слепящий. Дождь стучал по опавшим, мертвым листьям. Продираясь сквозь густую тьму, он споткнулся и рухнул лицом в грязь. Рухнул с оглушительным шумом. Треск ломающихся веток выдал его, и преследователь тут же сменил курс. Теперь враг шел прямо к нему. Приглушенный хлопок выстрела, короткий свист пролетевшей у щеки пули… Да, обнаружили. Он заставил себя подняться и резко подался вправо, снова сворачивая к шоссе. Здесь, в лесу, у него шансов нет. Там, на автостраде, если повезет привлечь чье-то внимание, если удастся остановить машину, какая-то надежда еще есть.

Хруст веток, проклятие – преследователь, кажется, тоже споткнулся. Выиграно несколько секунд. Несколько драгоценных, спасительных мгновений. Он снова побежал, почти наугад, руководствуясь одним лишь смутным чувством направления. Вокруг тьма и ни единого огонька, только тусклый отблеск хмурых туч, закрывших ночное небо. Дорога должна быть впереди. Еще чуть-чуть, и ноги ощутят асфальт.

И что потом? Что, если никакой машины не будет? Что, если помощи ждать не от кого?

Словно в ответ впереди, за деревьями, мигнул свет, два дрожащих лучика.

Собрав остаток сил, он метнулся к автомобилю. Легкие горели, дождь слепил глаза. Еще одна пуля прошла рядом и ввинтилась в ствол дерева, но стрелок за спиной был уже не важен. Теперь все зависело от тех огоньков, что манили, звали к себе, дразнили обещанием спасения.

Он даже опешил, выскочив на дорогу, ощутив под ногами твердое покрытие. Огоньки еще оставались впереди, прыгали где-то за деревьями. Неужели опоздал? Неужели они удаляются и сейчас исчезнут за поворотом? Нет, приближаются… они уже ярче. Он побежал навстречу машине, к повороту, понимая, что преследователь видит его как на ладони. Звук шагов отскакивал от мокрого асфальта и отдавался хлестким эхом. Огоньки повернули, и тут его настиг третий выстрел. Что-то толкнуло сзади – с такой силой, что он упал на колени. Пуля разорвала плечо. Он почувствовал, как кровь потекла по руке теплой струйкой, но не ощутил боли. Сейчас важно было другое – остаться в живых. Он встал, пошатнулся, выпрямился, сделал шаг вперед и…

…И чуть не ослеп от ударившего в глаза яркого света. Увернуться, броситься в сторону уже не было времени. Он не успел даже запаниковать. Взвизгнули покрышки. Из-под колес полетели брызги.

Он не почувствовал удара. Понял только, что лежит на земле, что дождь бьет по лицу, что вода стекает в рот и что ему очень, очень холодно.

Он знал, что должен сделать что-то. Что-то важное.

Рука дрожала. Он сунул ее в карман ветровки, и пальцы нащупали небольшой пластиковый цилиндр. Нащупали и сжали. Чем важен этот предмет, что в нем такого особенного, он не помнил, но, обнаружив его, испытал облегчение. Только бы не выпустить, не потерять.

Его кто-то звал. Женщина. Дождь мешал увидеть ее лицо, но он слышал голос, слегка охрипший от паники, пробивающийся сквозь туман и шум в голове. Он попытался заговорить, предупредить ее, что нужно поскорее убираться, что там, в лесу, смерть. Но с губ сорвался только стон.

Глава 1

В трех милях от Редвуд-Вэлли дорогу перегородило упавшее дерево, а путь в объезд Уиллитса из-за усилившегося дождя и скопления машин отнял у Кэтрин Уивер почти три часа. К тому времени часы уже показывали десять, и она поняла, что попасть в Гарбервиль до полуночи не получится. Хорошо бы Сара не стала засиживаться допоздна, а легла пораньше спать. Впрочем, зная Сару, Кэтрин не сомневалась, что ее будет ждать теплый ужин в духовке и пылающий камин в гостиной. Беременность явно пошла подруге на пользу. Сара мечтала об этом ребенке несколько лет и говорила о нем годами. Даже имя – Сэм или Эмма – выбрала задолго до зачатия. Тот факт, что у нее не было больше мужа, большого значения не имел. «Все, что требуется, – это дождаться нужного отца, – говорила Сара, – а потом взять дело в свои руки».

Она так и поступила. Биологические часы уже отсчитывали последние годы, когда Сара приехала к Кэти в Сан-Франциско и спокойно, без суеты выбрала в

справочнике клинику для страдающих бесплодием. Разумеется, либерально ориентированную, такую, где смогли бы понять желания и потребности тридцатидевятилетней незамужней женщины. Сам процесс оплодотворения, как она рассказывала позже, прошел в деловой обстановке. Запрыгиваешь на стол, суешь ноги в стремена, и – опля! – через пять минут ты уже беременна. Ну или почти. В любом случае процедура проста, доноры отобраны тщательно, и их здоровье подтверждено специальным сертификатом, а самое главное, женщина может реализовать свой материнский инстинкт без чепухи с замужеством.

Ох уж эти брачные игры! Они обе прошли через них с немалыми потерями. Обе развелись и продолжали жить дальше – уже с боевыми шрамами.

«Сара такая смелая, – подумала Кэти. – По крайней мере, ей достало сил вынести все трудности и испытания в одиночку».

Она стиснула зубы, сдерживая рванувшуюся из глубины старую, но еще не остывшую злость. Своему бывшему Кэти простила многое. Эгоизм. Придирчивость. Неверность. Но Джек не дал ей шанса завести ребенка, и этого она простить ему не могла. Да, конечно, можно было бы обойтись и без его согласия, но она хотела, чтобы ребенок был желанным для обоих родителей. И все ждала, ждала, ждала. Но за те десять лет, что длился их брак, Джек так ни разу и не «созрел», ни разу не почувствовал, что «время пришло».

Но Джек хотя бы должен был признаться, сказать, что ему не до ребенка, что для него самое главное – он сам.

«Мне уже тридцать семь. Мужа больше нет. И даже бойфренда постоянного нет. Но я бы со всем этим смирилась, если бы смогла держать на руках своего малыша».

Что ж, пусть судьба улыбнется хотя бы Саре.

До срока оставалось четыре месяца. Через четыре месяца у Сары будет малыш. Кэти невольно улыбнулась.

В ветровое стекло бил дождь. В последние минуты он усилился, и «дворники» не справлялись с потоками воды, хотя и метались туда-сюда как угорелые. Кэти взглянула на часы – ого, уже половина двенадцатого. Дорога оставалась

пустынной, ни впереди, ни позади других машин видно не было. Случись что с двигателем, и ночевать придется на заднем сиденье – помощи не будет до утра.

Кэти подалась вперед, пытаясь рассмотреть разделительную полосу, но дорогу надежно скрывала плотная полоса дождя. Хочешь – смейся, хочешь – плачь. Наверное, нужно было все же остановиться в том мотеле, в Уиллитсе. Не остановилась. Глупо останавливаться, когда за спиной такой далекий путь, а до цели всего лишь пятьдесят миль.

Впереди вынырнул из темноты указатель «Гарбервиль, 10 миль». Оказывается, она ближе, чем думала. Еще двадцать пять миль по шоссе, потом поворот вправо и еще пять миль через лес, к дому Сары. Воодушевленная мыслью о скором окончании путешествия, Кэти нетерпеливо поддала газу старенькому «датсуну». Стрелка спидометра подползла к отметке сорок пять миль в час. Опасная, конечно, скорость, если принять во внимание все обстоятельства, но уж очень хотелось поскорее оказаться в теплом, сложенном из кедра доме и выпить горячего шоколада.

Дорога повернула совершенно неожиданно. Кэти резко вывернула руль вправо, колеса заскользили по мокрому асфальту, и машину занесло. Она не стала давить на тормоз, но еще крепче вцепилась в руль, пытаясь восстановить управление. Вышедший из-под контроля «датсун» отнесло на несколько футов, к самому краю шоссе, но в тот момент, когда сердце сжалось от страха, а до ближайших деревьев оставалось рукой подать, покрышки вцепились-таки в асфальт. Машина все еще шла со скоростью двадцать миль в час, но уже по прямой. Стиснув руль липкими от холодного пота пальцами, Кэти прошла поворот до конца и облегченно выдохнула.

То, что произошло дальше, стало для нее полнейшей неожиданностью. Едва она успела поздравить себя с удачным маневром, как случилось невероятное.

Человек вынырнул прямо из темноты. Застывший на полусогнутых ногах в ярких лучах фар, он напоминал замершее в ужасе и панике дикое животное. Рефлекс опередил мысль – Кэти ударила по тормозам, но было уже поздно. Пронзительный визг покрышек завершился глухим ударом тела о капот.

Она застыла, вцепившись в руль, вперив взгляд в ветровое стекло, по которому все так же бесшумно метались «дворники». Потом, словно осознав реальность

случившегося, страшную реальность того, что совершила, толкнула дверцу и выскочила под дождь.

В первый момент Кэти не увидела ничего, кроме черной, блестящей в туманном свете задних фонарей полоски асфальта. Где же он? Щурясь от бьющего в лицо дождя, она прошла по дороге назад и вдруг услышала донесшийся с обочины негромкий стон.

Сойдя с асфальта, Кэти моментально оказалась по лодыжки в присыпанной сосновыми иголками грязи. И снова услышала стон, теперь уже ближе, почти рядом.

– Где вы? Помогите мне найти вас! – крикнула она.

– Здесь… – донеслось в ответ. Голос прозвучал едва слышно, но Кэти уже сориентировалась. Сделав несколько шагов в сторону, она чуть не споткнулась в темноте о тело. В первый момент Кэти различила только темное пятно, похожее на кучку мокрой, сброшенной второпях одежды. Потом обнаружила руку и, наклонившись, попыталась нащупать пульс. Пульс был учащенный, но ровный – в отличие от ее собственного, скакавшего, словно перепуганный заяц. Его пальцы стиснули ее запястье. Незнакомец перекатился на бок и попытался сесть.

– Нет! Пожалуйста, не двигайтесь!

– Нельзя… здесь нельзя оставаться…

– Где у вас болит?

– Некогда. Помогите мне. Быстрее.

– Я не стану вам помогать, пока не скажете, где болит.

Он поднял руку и, схватив ее за плечо, начал вставать. Самое удивительное, что ему это даже почти удалось. Несколько секунд они стояли, схватившись друг за друга, покачиваясь, потом силы оставили его, и они оба упали на колени. Дыхание у незнакомца сбилось, каждый вдох и выдох сопровождался хрипом.

Что же все-таки с ним? Если открылось какое-то внутреннее кровотечение, он может умереть в считаные минуты, прямо здесь, у нее на глазах. Его нужно срочно доставить в больницу. Даже если придется тащить к машине на себе.

– Хорошо. Давайте попробуем еще раз. – Кэти подхватила незнакомца справа, положив его левую руку себе на плечо. Он глухо застонал от боли, и она тут же отступила. Рука оставила на плече теплый, немного липкий след. Кровь.

– С другой стороны, – прохрипел он. – Там у меня все в порядке.

Она подхватила его справа. Не будь положение столь отчаянным, Кэти, наверное, сочла бы сцену достаточно комичной – со стороны их вполне можно было принять за двух поддерживающих друг друга пьянчужек. В конце концов ей удалось поставить незнакомца на ноги. Пару секунд они стояли, покачиваясь, в грязи. Хватит ли у него сил хотя бы просто переставлять ноги? Перетащить его самостоятельно она бы определенно не смогла. Он не был крупным, но оказался намного выше, чем она подумала вначале, так что ей при росте в пять футов и пять дюймов служить ему надежной опорой было бы затруднительно.

Но что-то как будто толкало его вперед, какие-то скрытые, проявившиеся в экстраординарных обстоятельствах ресурсы. Даже сквозь промокшую насквозь одежду Кэти чувствовала жар его тела, ощущала увлекающую его вперед волю. С десяток вопросов уже кружились в голове, но все ее силы уходили на то, чтобы держаться самой и поддерживать незнакомца. Только бы довести до машины, а потом доставить в больницу.

Обхватив незнакомца за пояс, она вцепилась пальцами в ремень. Они двинулись к дороге – медленно, борясь за каждый шаг. Его правая рука обвилась вокруг ее шеи тугой, натянутой петлей. И не только рука. Все в нем было, казалось, напряжено до предела. Во всех движениях чувствовалось отчаяние, и оно передавалось ей, проникало через кожу и тоже толкало вперед. Паника, столь же явственно ощущаемая, как и жар, заразила Кэти нетерпением, тем более бессмысленным, что идти быстрее они просто не могли. Через каждые несколько секунд ей приходилось останавливаться, смахивать с лица упавшие на глаза волосы и всматриваться в темноту. Дождь и тьма сомкнулись вокруг них спасительной пеленой, укрыв от опасности.

Впереди замаячили задние огни – два мутных рубиновых глаза. Теряя с каждым шагом силы, мужчина наваливался на нее все сильнее. Ноги дрожали, и Кэти уже боялась, что они не дойдут, свалятся прямо на дороге, и уж тогда подняться просто не хватит сил. Голова незнакомца то и дело поникала, и тогда вода со спутанных волос текла по ее щеке и шее. Кэти механически переставляла ноги, подтягивала его за собой, и это несложное в общем-то занятие настолько овладело ее вниманием, что ей даже не пришло в голову оставить бедолагу на дороге, сесть за руль и сдать чуть назад. Огоньки постепенно приближались; казалось, от них отделяет только еще одна стена дождя.

В конце концов Кэти все же втолкнула его в салон, на переднее сиденье. Руки повисли как плети и, казалось, вот-вот отвалятся. Незнакомец соскользнул с кресла. Дверца не закрывалась, и она довольно бесцеремонно – на нежности не осталось сил – отпихнула его подальше. Ноги все равно торчали наружу. Кэти наклонилась, подняла сначала левую, потом правую и занесла их внутрь, успев отстраненно подумать, что человек с такими лапами вряд ли может быть элегантен и любезен.

Едва она села за руль, как он предпринял неудачную попытку поднять голову, а потом, откинувшись на спинку, прошептал:

– Скорее…

Кэти повернула ключ в замке зажигания. Мотор чихнул и затих. «Господи, ну заводись же. Заводись!» Она вынула ключ, медленно сосчитала до трех, снова вставила и повернула. На этот раз двигатель заработал. Едва не вскрикнув от радости, Кэти резко, так, что покрышки протестующее взвизгнули, развернула машину в сторону Гарбервиля. Даже в самом захолустном городишке должна быть больница. Или по крайней мере медпункт. Вот только найдет ли она этот самый пункт в такой ливень? А если ошибется? Если ближайшее медучреждение только в Уиллитсе, что в противоположном направлении? Она теряет здесь драгоценные минуты, а человек умирает от кровопотери.

Чувствуя, что начинает паниковать, Кэти взглянула на незнакомца. Он сидел неподвижно, откинувшись на спинку кресла, безвольно свесив голову.

– Эй, вы как? Живы?

– Пока еще здесь, – прошептал он.

– Господи, я уж подумала… – Она оглянулась. – Здесь где-то должна быть больница…

– Возле Гарбервиля…

– Знаете, как ее найти?

– Я проезжал мимо… это миль пятнадцать отсюда…

«Если проезжал, где же машина?»

– Что с вами случилось? Попали в аварию?

Он начал говорить, но вдруг осекся на полуслове – позади вспыхнул свет. Незнакомец попытался обернуться, но не смог и только выругался. Кэти вздрогнула и с тревогой посмотрела на него:

– В чем дело?

– В той машине.

Она бросила взгляд в зеркало заднего вида.

– И что такого?

– Она давно за вами следует?

– Не знаю. Наверное, несколько миль. А что?

Похоже, попытка держать голову поднятой отняла слишком много сил – он снова тяжело осел.

– Не могу сообразить… не могу…

«Потерял слишком много крови». Кэти придавила педаль газа, и «датсун» как будто прыгнул вперед, сквозь дождь. Из-под колес ударили фонтанчики брызг. Руль задергался, словно живой. В стекло бросилась тьма. «Осторожно! Сбрось газ! Или разобьешься вместе с ним».

Она отпустила педаль. Стрелка спидометра съехала до вполне приемлемых сорока пяти миль в час. Незнакомец снова заворочался и попытался выпрямиться.

– Пожалуйста, не напрягайтесь. Сидите смирно, – умоляюще пробормотала Кэти.

– Та машина…

– Ее уже нет.

– Уверены?

Она посмотрела в зеркало. Вдалеке что-то мигало, но были ли то фары идущего следом автомобиля? Вряд ли.

– Уверена, – соврала Кэти.

Незнакомец вроде бы поверил и успокоился. «Далеко ли еще? Сколько ехать? Пять миль? Десять?» И тут же в голове застучала тревожная мысль: он может умереть по дороге.

Ее пугало его молчание. Хотя бы подал голос, сказал что-то, развеял ее страхи.

– Поговорите со мной. Пожалуйста.

– Я… я так устал…

– Не умолкайте. Говорите. Что… как вас зовут?

– Виктор, – еле слышно прошептал он.

– Виктор. Отличное имя. Мне нравится. Чем вы занимаетесь, Виктор?

Он не ответил. Похоже, ему сейчас не до разговоров. Но молчать нельзя. Нельзя допустить, чтобы он потерял сознание. Она должна слышать его голос! Должна знать, что он жив, что он с ней! Если и эта, такая слабая ниточка оборвется, он может уйти от нее, провалиться в беспамятство и уже никогда не очнуться.

– Ладно. – Она произнесла это слово негромко и спокойно, заставляя себя держаться, не поддаваться панике, не срываться на крик. – Тогда я буду говорить. А вы молчите. Берегите силы. Но только слушайте, хорошо? Меня зовут Кэтрин. Кэти Уивер. Живу в Сан-Франциско. Округ Ричмонд. Знаете такой? – Ответа не последовало, но она почувствовала, как Виктор качнул головой. – Вот и хорошо. – Тишину нужно было чем-то заполнять, и Кэти продолжила: – Может, вы его и не знаете, но это не важно. Я работаю в одной независимой кинокомпании. Вообще-то компания принадлежит Джеку, моему бывшему мужу. Мы снимаем фильмы ужасов. Категории «Б». Однако кое-какую прибыль они приносят. Наш последний назывался «Рептилия». Я занималась гримом и спецэффектами. Вот уж настоящая жуть. Зеленая чешуя, слизь и все такое… – Она рассмеялась странным, чуть ли не истерическим смехом.

Нужно держать себя в руках.

Сбоку что-то мелькнуло, и Кэти снова бросила взгляд в зеркало. Огоньки фар едва виднелись за пеленой дождя. Несколько секунд она следила за красными точками, не зная, сказать о них Виктору или нет. Потом огоньки еще раз мигнули и пропали.

– Виктор? – негромко позвала Кэти. Он пробормотал что-то неразборчивое, но ей было достаточно и этого – значит, жив. «Только не давай ему отключиться», – напомнила себе Кэти, пытаясь придумать новую тему для разговора. Пустая болтовня, треп ради трепа, столь ценимые на киношных тусовках, никогда не были ее сильной стороной. Хорошо бы вспомнить какую-нибудь шутку, пусть даже глупую, но смешную. Не зря же говорят, что смех лечит. Помнится, ей где-то встретилась фраза, что под натиском комедий съеживается даже опухоль. «Ну конечно, – возразила себе Кэти, – ты только рассмеши его, и кровотечение остановится само собой».

В конце концов, так ничего и не придумав, она вернулась к той теме, что первой пришла на ум: к своей работе.

– Наш следующий проект намечен на январь. «Вурдалаки». Снимать будем в Мексике. Мне там не нравится – всегда жуткая жара, грим течет…

Кэти взглянула на Виктора, но он не отозвался – ни голосом, ни даже намеком на кивок, – и она, испугавшись, схватила его за руку, чтобы проверить пульс. Не тут-то было. Он засунул руку в карман ветровки, а когда Кэти потянула за локоть, отреагировал самым неожиданным образом: дернулся в сторону и даже попытался оттолкнуть ее.

– Виктор, все в порядке! – воскликнула она, отбивая его выпад и одновременно удерживая одной рукой руль. – Успокойтесь! Это же я, Кэти. Я всего лишь хочу вам помочь!

При звуке ее голоса сопротивление ослабло. Она почувствовала, как Виктор снова обмяк, привалился к спинке сиденья и даже опустил голову ей на плечо.

– Кэти, – с облегчением и как будто изумлением прошептал он. – Кэти…

– Правильно. Это я. – Она протянула руку, осторожно убрала упавшие на лицо мокрые волосы. Какие они, черные или русые? Совершенно неуместный вопрос тем не менее приобрел вдруг непонятную значимость. Виктор потянулся к ее руке. Пальцы сжали запястье с неожиданной силой. «Я с тобой, – словно говорили они. – Я жив, я дышу». Он прижался к ее ладони губами. Щетина небритого подбородка пощекотала кожу. Жест получился настолько нежный, что Кэти даже опешила.

Придя в себя, она переключила внимание на дорогу. Виктор снова затих, но его голова так и осталась на ее плече, и тепло его дыхания касалось ее волос.

Буря слабела. Ветер унялся, хотя дождь еще лил. Кэти добавила газу. Справа промелькнуло придорожное кафе, облезлая будка с одиноким фонарем. Свет на мгновение вырвал из темноты лицо Виктора. Кэти увидела только профиль: высокий лоб, нос с горбинкой, твердый, выдвинутый вперед подбородок. В следующую секунду их окутала тьма, и ее пассажир снова стал тенью. Но теперь она знала – это лицо останется с ней навсегда. Вглядываясь в темноту, Кэти

видела перед собой четкий, словно выжженный в памяти профиль.

– Думаю, уже близко, – сказала она, обращаясь не столько к нему, сколько к себе. – Где кафе появилось, там и город должен быть. – Молчание. – Виктор? – Он опять не ответил. Прикусив губу, чтобы не поддаться панике, Кэти прибавила до пятидесяти пяти.

Кафе осталось далеко позади, а глаз фонаря все мигал и мигал в зеркале заднего вида. Странно, они ведь отъехали от него никак не меньше мили. Присмотревшись, Кэти поняла, что видит не один огонек, а два и что они движутся по шоссе. Фары. Уж не тот ли автомобиль, что шел за ними раньше?

Словно два близнеца-призрака, огоньки танцевали среди деревьев, потом вдруг пропали, растворились в темноте. А может, и вправду призрак, мелькнула шальная мысль. Будто зачарованная, не в силах оторваться от зеркала, она ждала, что они вот-вот материализуются, замигают, запрыгают между деревьями. И так засмотрелась, что едва не пропустила дорожный указатель.

«ГАРБЕРВИЛЬ население 5750

Заправка – Еда – Ночлег».

Еще через полмили сквозь противную морось пробился желтоватый свет фонаря. Мимо, но в противоположном направлении, пронесся грузовичок. Игнорируя требование ограничительного знака, она не стала сбрасывать скорость до тридцати пяти и даже еще немного придавила педаль газа. И где же полиция? Почему ее никто не останавливает?

Из ниоткуда выскочил указатель «Больница». Едва успев притормозить, Кэти повернула вправо. Еще четверть мили, и красный знак с надписью «Неотложная помощь» направил ее по дорожке к боковому входу. Оставив Виктора в машине, она ворвалась в отделение и подбежала к невысокой стойке, за которой сидела дежурная медсестра.

– Пожалуйста, помогите! У меня в машине человек…

Дежурная мгновенно поднялась и вслед за Кэти вышла на улицу. Для оценки ситуации ей хватило одного взгляда на бессильно поникшего Виктора.

На помощь им поспешил плотный здоровяк санитар, но и втроем справиться с пострадавшим получилось не сразу. Съехав с сиденья, Виктор зацепился за рукоятку ручного тормоза.

– Эй, мисс! – рявкнул санитар, обращаясь к Кэти. – Зайдите с другой стороны да отцепите его поскорей!

Кэти торопливо влезла на сиденье и только тут вспомнила, что именно эта рука у него повреждена. Она осторожно взяла его за локоть и потянула вверх. Не получилось. Мешал браслет, зацепившийся за карман ветровки. Расстегнув браслет, Кэти наконец подняла раненую руку. Виктор застонал.

– Порядок! – кивнул санитар. – Теперь подтолкните его в нашу сторону, а мы тут подхватим.

Кэти подтолкнула, постаравшись сделать так, чтобы плечо и голова Виктора избежали контакта с торчащей рукояткой тормоза, потом пролезла сама и помогла погрузить пострадавшего на каталку. Санитар защелкнул крепления, и они вкатили носилки через распахнутые двери.

– Что случилось? – бросил через плечо санитар.

– Я сбила его… на дороге…

– Когда?

– Минут пятнадцать – двадцать назад.

– Вы быстро ехали?

– Миль тридцать пять в час.

– Он был в сознании, когда вы его нашли?

– Вначале – да, потом отключился.

– Рубашка в крови, – заметила медсестра. – И осколок стекла в плече.

Только теперь, на бегу, в резком свете ламп, Кэти смогла как следует рассмотреть лежащего на каталке мужчину. Худощавое, забрызганное грязью лицо, плотно сжатые губы, широкий лоб, спутанные светло-русые волосы. Их взгляды встретились, и он, приподнявшись, взял ее за руку:

– Кэти…

– Я здесь, Виктор.

Он сильно, до боли, сжал ее ладонь и, морщась от боли, прошептал:

– Я должен… должен сказать вам…

– Потом! – перебил санитар.

– Нет, подождите! – Он все еще держал ее за руку, словно от этого физического контакта зависело что-то важное. Боль мешала говорить, и на его лице прорезались страдальческие морщины.

Кэти не могла не откликнуться на этот отчаянный призыв.

– Да, Виктор, – прошептала она, склоняясь над ним и гладя по влажным волосам. – Что вы хотите сказать?

– Мы теряем время! – рявкнул санитар. – Закатываем в палату!

Носилки дернулись, и то звено, что соединяло их несколько коротких секунд, оборвалось. Двери распахнулись, и они оказались в жутком помещении из сверкающей стали и слепящего света. Виктора подняли с каталки и переложили на смотровой стол.

– Пульс сто десять, – сказала медсестра. – Давление восемьдесят пять на пятьдесят.

– Поставьте две капельницы, – распорядился врач. – Выясните группу крови. И вызовите хирурга. Нам может потребоваться помощь…

Треск голосов, металлический лязг ящичков, звяканье инструментов… Шум, деловитая суета… Позабытая всеми, оставшаяся в одиночестве у двери, Кэти с волнением и затаенным страхом наблюдала за тем, как медсестра взяла со столика нож и принялась резать окровавленную одежду. Мокрые, тяжелые полоски падали на пол, обнажая все больше и больше плоти. В конце концов от рубашки и ветровки не осталось ничего, а взгляду Кэти открылась широкая грудь, густо покрытая спутанными темными волосками. Для медиков лежащий на операционном столе был всего лишь еще одним объектом приложения сил, еще одним пациентом, жизнь которого им надлежало спасти. Для Кэти же он был живым, дышащим и страдающим человеком, успевшим стать близким за те последние, короткие и мучительные мгновения. Срезав одежду, медсестра быстро и ловко расстегнула ремень, решительно стащила брюки и трусы и бросила их на грязные лохмотья. В операционную уже спешили другие люди в халатах, и Кэти пришлось посторониться. Отступая, она не сводила глаз с левого плеча Виктора – из раны сочилась и стекала на стол свежая кровь. Вот почему он задрожал, когда она схватила его за плечо. Как же, должно быть, ему было больно!

К горлу подступил тошнотворный комок. Сдерживая приступ рвоты, Кэти отошла на несколько шагов и тяжело опустилась на ближайший стул. Несколько минут она сидела, не замечая общей суматохи, потом опустила голову и вздрогнула от ужаса, увидев на руках кровь.

– Вот вы где, – сказал кто-то рядом. Вышедшая из операционной медсестра, держала пакет с вещами пациента. – Нам нужно записать вашу фамилию и адрес – на случай, если у врачей возникнут вопросы. – Она кивком пригласила Кэти к столу. – Придется уведомить полицию. Вы им уже звонили?

Кэти покачала головой:

– Нет… Наверное, надо позвонить…

– Можете воспользоваться этим телефоном.

– Спасибо.

Трубку на другом конце сняли только после восьмого гудка. Ей ответил сонный, слегка хрипловатый голос. Похоже, в тихом Гарбервиле даже полиция не привыкла к ночным инцидентам. Выслушав Кэти, дежурный что-то записал и пообещал связаться с ней позже, после осмотра места происшествия.

Открыв бумажник Виктора, медсестра перебрала содержимое, отложила несколько карточек и принялась заполнять формуляр.

Имя: Виктор Холланд. Возраст: 41 год. Профессия: биохимик.

Ближайшие родственники: неизвестны.

Так вот, значит, как его зовут. Виктор Холланд. Кэти взяла из стопки карточек верхнюю. Судя по всему, это был пропуск на территорию какой-то компании. «Виратек». С маленькой цветной фотографии на нее смотрел сам Виктор – спокойное, серьезное лицо, твердый, прямо в камеру, взгляд зеленых глаз. Даже если бы она ни разу не видела это лицо, именно таким она бы его и представила – с этим неуступчивым выражением, с этим решительным взглядом. Она дотронулась до ладони в том месте, где он поцеловал ее.

– Что с ним? – тихо спросила Кэти. – Все ведь будет хорошо, да?

– Он потерял много крови, – не поднимая головы и продолжая писать, ответила медсестра. – Но думаю, выкарабкается – парень крепкий…

Кэти кивнула. Да, крепкий. Она хорошо помнила, как он, преодолевая боль, собрав остаток сил, шел к дороге. Да, такой выкарабкается.

Закончив писать, медсестра протянула ей ручку и листок:

– Пожалуйста, впишите внизу свое имя и адрес. На всякий случай. Возможно, от вас еще потребуется какая-то информация.

Кэти достала из сумочки записную книжку с адресом и телефоном Сары и переписала их на листок.

– Меня зовут Кэти Уивер. Вы сможете найти меня вот по этому адресу.

– Остановитесь в Гарбервиле?

– Я пробуду здесь три недели. Навещаю подругу.

– Да уж, не самое лучшее начало отпуска.

Кэти вздохнула и поднялась:

– Да, вы правы. Это ужасно.

Проходя мимо операционной, она на секунду задержалась. Там, за дверью, Виктор Холланд боролся за жизнь. В сознании ли он? Помнит ли ее? Ей почему-то было важно, чтобы помнил.

Кэти повернулась к медсестре:

– Вы позвоните мне? Я бы хотела знать… ну, как он…

– Хорошо. Не беспокойтесь, мы вам сообщим.

Кэти вышла на улицу. Дождь наконец-то прекратился, и в разрывах туч уже поблескивали звезды. Какая приятная картина для уставших глаз! Выезжая с парковочной площадки, она поймала себя на том, что дрожит от усталости. Наверное, из-за усталости Кэти не заметила ни автомобиля, припаркованного в тени на другой стороне улицы, ни вспыхнувшего и тут же потухшего огонька сигареты.

Глава 2

Уже через минуту после отъезда Кэти двойная дверь больницы распахнулась и в приемную, неся с собой свежие запахи бурной ночи, вошел мужчина. Дежурная медсестра еще заполняла бумаги на последнего пациента. Почувствовав дыхание сквозняка, она подняла голову и увидела у стойки незнакомца лет тридцати пяти, с суровым худощавым лицом и темными, слегка тронутыми сединой волосами. На дорогом светло-коричневом плаще поблескивали капли дождя.

– Я могу вам чем-то помочь, сэр? – спросила она, глядя в черные, блестящие, как камешки в пруду, глаза.

Незнакомец кивнул:

– Если не ошибаюсь, к вам поступил недавно пациент. Виктор Холланд.

Дежурная пробежала глазами по лежащему перед ней формуляру. Пациента звали Виктор Холланд.

– Да, поступил. А вы родственник?

– Брат. Как он?

– Его только что привезли, сэр, и как раз сейчас оперируют. Если подождете, я попробую узнать и… – Она не договорила – зазвонил телефон. Из лаборатории сообщили, что готовы результаты анализов. Записывая данные, медсестра краем глаза взглянула на незнакомца – тот отвернулся и смотрел на закрытую дверь приемной палаты. В этот самый момент дверь открылась, пропуская санитара с пухлым, перепачканным кровью пластиковым пакетом. В коридор выплеснулись встревоженные голоса:

– Давление сто десять на семьдесят!

– В операционной все готово.

– Где хирург?

– Едет. У него какие-то проблемы с машиной.

– Готовим к рентгену! Все по местам!

Дверь медленно закрылась, голоса еще звучали, но уже приглушеннее. Дежурная повесила трубку, а санитар положил пластиковый пакет на ее стол.

– Что это? – спросила она, поморщившись.

– Его одежда. Все в крови, рваное. Может, выбросить?

– Одежду я заберу, – вмешался человек в плаще. – Здесь все?

Санитар замялся, потом быстро взглянул на дежурную:

– Даже не знаю… может, ему и не понравится. Я к тому, что там все… э… грязное…

Дежурная кивнула:

– Мистер Холланд, с вашего разрешения от одежды мы избавимся сами. Ничего стоящего здесь нет, а все ценное я уже собрала. – Она выдвинула ящик и достала запечатанный конверт из плотной бумаги с ярлычком, на котором было написано: «Холланд Виктор. Содержимое: бумажник, наручные часы». – А вот это можете забрать. Только, пожалуйста, распишитесь в получении.

Мужчина кивнул и расписался – Дэвид Холланд.

– Скажите, Виктор в сознании? – спросил он, опуская конверт в карман. – Он что-нибудь говорил?

– Боюсь, что нет. Его привезли в полубессознательном состоянии.

Мужчина выслушал ее молча, без каких-либо комментариев, и это его молчание почему-то насторожило и встревожило медсестру.

– Извините, мистер Холланд. А как вы узнали, что ваш брат пострадал? Я, к сожалению, еще не успела известить родственников…

– Мне позвонили из полиции. Виктор вел мою машину. Ее обнаружили на обочине, разбитую.

– О! Какой ужас.

– Да, кошмар.

– Хорошо еще, что им удалось найти вас. – Она перебрала стопку бумаг и вытянула из нее нужный листок. – Будьте добры, ваш адрес и номер телефона. На случай, если нужно будет связаться с вами.

– Понимаю. – Мужчина взял листок, пробежал взглядом по строчкам, затем вписал свое имя и номер телефона в графу «Ближайшие родственники». – Кто такая Кэтрин Уивер? – Он ткнул пальцем в другую, самую нижнюю графу.

– Это женщина, которая привезла сюда вашего брата.

– Мне нужно поблагодарить ее. – Он положил листок на стол.

– Сестра?

Дежурная обернулась – в двери палаты стоял доктор.

– Да?

– Позвоните в полицию. Пусть пришлют кого-нибудь как можно скорее.

– Они только что звонили, доктор, и уже знают о несчастном случае…

– Позвоните еще раз. Это не несчастный случай.

– Что?

– Мы только что сделали рентген. У нашего пациента пуля в плече.

– Пуля? – Дежурная зябко поежилась, словно ночь дохнула на нее холодным ветром, и медленно повернулась к человеку в плаще, назвавшемуся братом Виктора Холланда. К ее полнейшему изумлению, его уже не было. Створки входной двери качнулись и замерли.

– И куда ж он подевался? – прошептал санитар.

Несколько секунд дежурная смотрела на закрытую дверь, потом, встрепенувшись, огляделась. Ни на столе, ни на полу ничего не было. Пакет с одеждой Виктора Холланда исчез.

– Снова из полиции? Почему?

Кэти медленно положила трубку, плотнее запахнула толстый махровый халат – ее все еще знобило – и, повернувшись, посмотрела через кухню на Сару:

– Тот мужчина на дороге… у него в плече нашли пулю.

Подруга, разливавшая в этот момент чай, удивленно вскинула голову:

– Хочешь сказать, в него кто-то стрелял?

Кэти молча подсела к столу, на котором уже стояла чашка с крепким чаем. После горячей ванны она еще целый час нежилась у камина, так что тревожное происшествие на дороге успело отступить в прошлое и вспоминалось только как тяжелый сон. Здесь, в светлой, уютной кухне с веселыми ситцевыми занавесками, ароматом корицы и еще каких-то специй, думать о переполняющем мир насилии не хотелось. Да и сам этот мир казался таким далеким…

Сара склонилась над подругой:

– Они знают, что случилось? Он что-нибудь сказал?

– Его только что прооперировали. – Кэти посмотрела на телефон. – Мне нужно позвонить в больницу…

– Не нужно. Ты уже сделала все, что только могла. – Сара положила руку ей на плечо. – Не забудь про чай, а то остынет.

Кэти убрала упавшую на глаза влажную прядку. Рука дрожала. В голову лезли беспокойные мысли. Пуля в плече? Откуда? Почему? И что это было? Стал ли Виктор случайной жертвой дорожного маньяка, пальнувшего из окна машины в абсолютно незнакомого человека? Или дело в другом? В газетах не раз писали о жестоких разборках на шоссе, когда точку в споре ставят, просто потянув за спусковой крючок.

А может быть, нападение было спланированным и убить хотели именно Виктора Холланда?

Снаружи что-то зашуршало и ударило в стену. Кэти вздрогнула и выпрямилась:

– Что это?

– Не пугайся, это не бука, – рассмеялась Сара и, подойдя к двери, протянула руку к засову.

– Подожди! – воскликнула, привставая, Кэти. – Не отпирай!

– Посмотри сама. – Сара отодвинула засов и распахнула дверь. Свет из кухни метнулся к навесу для автомобиля, под которым стояло несколько мусорных баков. Через подъездную дорожку, оставляя за собой след из пустых бумажных пакетов и оберток, метнулась и растворилась во мраке ночи какая-то тень. – Еноты. Приходится привязывать крышки, чтобы эти проказники не замусорили весь двор. – Из бака высунулась голова, два крошечных, мерцающих глаза злобно уставились на них. Сара хлопнула в ладоши. – А ну-ка убирайся! – Енот не испугался. – Тебе что, податься некуда? Дома нет? – Зверек спрыгнул наконец на землю и неторопливо затрусил к деревьям. – Смелеют год от году. Ничем их не проймешь, – вздохнула Сара и, закрыв дверь, подмигнула подруге. – Так что не волнуйся. Это тебе не город.

– Спасибо, что напомнила. – Кэти взяла кусочек бананового хлеба и пододвинула блюдечко со сладким маслом. – Знаешь, по-моему, провести Рождество здесь, с тобой, будет куда приятнее, чем со стариной Джеком.

– Угу. Ну, раз уж речь зашла о бывших… – Сара подошла к шкафчику, – самое время настроиться на правильный лад. И чай тут не поможет. – Она усмехнулась и помахала бутылкой бренди.

– Эй, ты же не собираешься пить?

– Я – нет. – Сара поставила на стол бутылку и бокал для вина. – А вот тебе промочить горло не помешает. Натерпелась за вечер да и продрогла. К тому же мы ведь собираемся поговорить о жалких созданиях, ошибочно именующих себя мужчинами.

– Ну, если ты так ставишь вопрос… – Кэти щедро плеснула в бокал из бутылки. – За мужчин, – провозгласила она. Бренди обожгло горло и раскатилось внутри приятной, теплой волной.

– И как старина Джек? – спросила Сара.

– Как всегда.

– Блондинки?

– Переметнулся на брюнеток.

– Неужели всех блондинок в мире хватило только на год?

Кэти пожала плечами:

– Ну, парочку он, может, и пропустил.

Они рассмеялись. Легко и непринужденно. И этот смех лучше всяких слов свидетельствовал, что старые раны понемногу зарастают, а мужчины перешли в разряд существ, которых можно обсуждать без боли и печали.

Кэти подняла бокал к свету, любуясь цветом напитка.

– Как думаешь, в мире еще остались настоящие парни? Может быть, хотя бы один еще болтается где-то, а? Бывают же мутации или что-то в этом роде? Всего-то и нужен один корявенький мужичонка.

– Один точно остался. Где-нибудь в Сибири. Но ему сильно за сотню.

– Мне всегда нравились парни постарше.

Они снова рассмеялись, но на этот раз уже не так весело, без прежней беспечности. Сколько же лет прошло с тех давних студенческих дней, когда они точно и наверняка знали, что сказочные принцы еще не перевелись в этом мире.

Кэти допила бренди и поставила пустой бокал на стол.

– Что же я за подруга такая, а? Не даю спать беременной леди! Кстати, который час?

– Всего лишь половина третьего.

– Ох, Сара. А ну-ка марш в постель! – Кэти подошла к раковине и принялась смачивать бумажные полотенца.

– А ты что собираешься делать? – поинтересовалась Сара.

– Хочу немного почистить машину. У меня там кровь на сиденье осталась.

– Я ее уже отмыла.

– Что? И когда же ты успела?

– Пока ты принимала ванну.

– Сара, ты чем только думаешь, а?

– Успокойся, я же не развалилась? И выкидыша не случилось. Да, чуть не забыла… – Сара указала на лежащую на полке кассету с фотопленкой. – Нашла

на полу в салоне.

Кэти со вздохом покачала головой:

– Это не моя – Хикки.

– Хикки? Вот уж на кого точно время тратить не стоит.

– Он мой добрый друг.

– Ну да, ни на что другое Хикки не годится. Друг. И что там, на пленке? Как всегда, голые девочки?

– Не знаю и знать не хочу. Когда я высадила его в аэропорту, он передал мне с полдюжины кассет и пообещал забрать по возвращении. Наверное, не хотел тащить с собой в Найроби.

– Так вот куда он намылился, в Найроби.

– Да, будет снимать, как он сам выражается, «роскошных африканских дамочек». – Кэти опустила кассету в карман халата. – Вывалилась, должно быть, из бардачка. Надеюсь, тут не порнография.

– Зная Хикки, я бы сказала, что, скорее всего, именно порнография.

Они снова рассмеялись. Какая ирония! Хикман фон Трапп, вся работа которого состояла в том, чтобы фотографировать обнаженных женщин в эротических позах, абсолютно не интересовался противоположным полом, за исключением разве что своей матери.

– А знаешь, Хикки только подтверждает правильность моего вывода, – бросила через плечо Сара, поднимаясь по лестнице к себе в спальню.

– Напомни, какого именно?

– Что в мире не осталось настоящих мужчин.

Из пучины беспамятства Виктора вытащил свет. Свет, который был ярче десятка солнц и который бил в сомкнутые веки. Приходить в себя Виктор не хотел – какая-то часть мозга, еще продолжавшая функционировать, предупреждала, что, очнувшись, вынырнув из благословенного забытья, он снова почувствует боль и тошноту и, что еще хуже, к нему снова вернется ужас. Ужас перед чем? Он не помнил. Перед смертью? Нет. Смерть уже стояла рядом, теплая, черная, уютная. Но ему еще нужно было что-то сделать. Что-то важное, нечто такое, о чем забыть он не мог себе позволить.

Пытаясь вспомнить, он напрягал память, но помнил только руку, нежную и одновременно сильную, касавшуюся его лба, и голос, проникавший к нему через тьму.

Меня зовут Кэтрин…

Вместе с ее прикосновением, ее голосом возвращался и страх. Не за себя – ведь он уже умер? – за нее. За Кэтрин, нежную и сильную. Он видел ее лицо лишь короткое мгновение и едва представлял его, но знал – оно прекрасно. Так слепой, обделенный даром зрения, знает, что прекрасны радуга, небо и лицо его ребенка. И теперь Виктор боялся за нее.

Где ты?

– Пациент приходит в сознание, – произнес женский голос (не Кэтрин – этот был слишком сухим и твердым), за которым зазвучали другие голоса.

– Осторожнее, капельница!

– Мистер Холланд, лежите спокойно. Все будет хорошо…

– Я же сказал, держите капельницу!

– Передайте мне второй пакет крови…

– Не двигайтесь, мистер Холланд…

Где ты, Кэтрин?

Крик как будто взорвался у него в голове. Тьма беспамятства манила, звала, и он, борясь с соблазном соскользнуть в ее теплые объятия, напрягся и попытался поднять веки. Сначала возникли свет и краски, такие яркие, такие резкие, что боль, воткнувшись иголками в глаза, впилась в мозг. Потом мутное пятно начало рассеиваться, в нем проступили контуры лиц, какие-то странные фигуры в голубом. Незнакомые люди озабоченно смотрели на него сверху. Он попытался сфокусировать зрение, но желудок отозвался на это усилие недовольным спазмом.

– Спокойно, мистер Холланд. Полегче, – произнес негромко грубоватый голос. – Вы в больнице. В послеоперационной палате. Вам только сделали операцию на плече. Теперь вам нужно отдохнуть, поспать…

«Нет, нет, мне нельзя спать», – попытался сказать он.

– Введите ему пять миллиграммов морфина, – распорядился кто-то, и Виктор почувствовал, как теплая струйка поползла вверх по руке и растеклась по груди.

– Это должно помочь, – донесся до него тот же грубоватый голос. – А теперь – засыпайте. Все прошло хорошо… просто замечательно…

«Вы не понимаете, – хотел крикнуть он. – Я должен предупредить ее…» Сознание померкло, и свет снова поглотила мягкая, неслышно подкравшаяся тьма.

Лежа одна на широкой кровати, Сара улыбалась. Нет, смеялась! Смех переполнял ее. Хотелось петь и танцевать. Встать перед распахнутым окном и кричать от радости! Врачи объясняли – это все гормональное, этот химический взрыв, эта эмоциональная встряска. Сара знала, что должна отдохнуть, что нужно научиться быть спокойной и безмятежной, но сегодня она совсем не устала. Бедняжка Кэти едва доплелась до своей спальни наверху. А ей, Саре, совсем не хотелось спать.

Она закрыла глаза и направила мысли на ребенка, еще не родившегося, еще дремлющего внутри ее. «Как ты там, любовь моя? Ты спишь? Или слушаешь меня? Слушаешь мои мысли?»

Ребенок заворочался, потом снова затих. Это был его ответ, его тайное послание, понятное только им двоим. Сара даже радовалась, что у нее нет мужа, который отвлекал бы ее от этого бессловесного общения, который лежал бы сейчас рядом, злясь и ревнуя, чувствуя себя чужаком, лишним. Есть только мать и дитя, древнейшая в мире связь, мистические узы.

«Бедная Кэти». Волна радости отступила, а следующая за ней принесла печаль. Сара переживала за подругу, зная, как сильно Кэти хочет ребенка. Увы, время лишило ее такого шанса. Романтическая натура, Кэти не понимала, что обстоятельства могут так и не сложиться, а мужчина всегда способен подвести. Целых десять лет понадобилось ей, чтобы осознать, что брак не удался. А ведь она так старалась, чтобы все получилось. Пыталась даже не замечать очевидного – явных, лезущих в глаза недостатков Джека, в первую очередь его непомерного себялюбия. Поразительно, что женщина столь умная и проницательная тянула так долго, откладывая решительный шаг. Ничего не поделаешь, такова Кэти. Она и в тридцать семь откровенна, доверчива и верна – ну просто до идиотизма.

Ее внимание привлек долетевший снаружи звук, словно кто-то ступил на посыпанную мелкой галькой подъездную дорожку. Сара замерла и прислушалась. Сначала ничего, только знакомое поскрипывание деревьев да постукивание веток по крыше. Потом звук повторился – будто камешки разлетелись по дорожке. И едва слышный металлический скрежет. Опять эти еноты. Если не прогнать – к утру разбросают весь мусор.

Сара со вздохом села, ощупью отыскала шлепанцы и, не включая света, тихонько вышла из спальни и спустилась по лестнице вниз, в кухню. Ночь была слишком тиха, чтобы тревожить ее светом, и потому Сара не стала включать лампу под навесом, а взяла фонарик, лежавший на привычном месте на полке, и отодвинула засов.

За тонкой, рваной пеленой облаков мерцала луна. Сара направила луч на мусорные ящики, но ни разбросанных бумажек, ни затаившихся зверьков он не нашел. Странно. Не зная, что и думать, она прошла к навесу через двор и остановилась возле «датсуна», на котором приехала Кэти.

Вот тогда-то она и заметила в салоне слабое свечение, а присмотревшись, увидела, что бардачок почему-то открыт. Сначала Сара подумала, что крышка упала сама или, может быть, Кэти просто забыла ее закрыть, но в следующий момент заметила расстеленную на переднем сиденье дорожную карту.

Налетевший вдруг страх зашипел в уши. Сара попятилась, отступила, но ужас сковал тело, и ноги сделались ватными. Лишь тогда она ощутила присутствие поблизости кого-то еще, чужака, притаившегося в темноте. Она чувствовала его так же явственно, как прохладное дыхание ночи.

Сара повернулась к дому, и в этот момент луч фонарика, разрезав дрожащей дугой темноту, выхватил из мрака мужское лицо. Выхватил и застыл на нем. Смотревшие на Сару черные глаза напоминали гладкие, отшлифованные рекой камешки. Другие детали лица – хищный нос, тонкие, бескровные губы – она отметила лишь мельком. Все внимание притягивали глаза. Глаза человека, у которого нет души.

– Привет, Кэтрин, – прошептал он, и она услышала в его голосе зов смерти.

«Пожалуйста! – хотела крикнуть Сара, почувствовав, как он схватил ее сзади за волосы и потянул голову, обнажая шею. – Отпустите! Позвольте мне жить!»

Но с губ ее не сорвалось ни звука. Слова так и застряли в горле, остановленные острым лезвием.

Кэти проснулась от пронзительного писка ссорящихся за окном голубых соек. Трепет крыльев за окном, драчливая, какая-то маниакальная суета пернатых соперниц… Она невольно улыбнулась. Как же все это не похоже на привычный утренний рев автобусов и гул автомобилей. Птахи перелетели на крышу, где соперничество продолжилось – теперь Кэти слышала, как коготки царапают по доскам. Казалось, сойки исполняют некий боевой танец. Некоторое время она следила за их перемещением с одной стороны крыши на другую, потом перевела взгляд на окно.

Солнечный свет заполнял комнату мягкой золотистой дымкой. Идеальное помещение для детской! Она уже представляла, что сделает здесь Сара, какие

внесет изменения – повесит яркие занавески, акварели с животными. Счастливо улыбаясь, Кэти села, вздохнула и посмотрела на стоящие на прикроватной тумбочке часы – половина десятого! Так и утро пройдет!

Выбравшись из-под теплого одеяла, Кэти открыла чемодан и, порывшись в вещах, достала свитер и джинсы. Одевалась она под непрекращающийся птичий щебет – теперь сойки перекочевали на дерево. Некоторое время они еще прыгали с ветки на ветку, потом одна, признав поражение, вспорхнула, словно выбросила белый флаг, и улетела. Победительница, чье превосходство никто больше не оспаривал, пискнула еще раз и принялась прихорашиваться.

И только тогда Кэти обратила внимание на тишину, полное безмолвие дома, молчание, усиливавшееся с каждым ударом сердца, с каждым вдохом.

Выйдя из комнаты, она спустилась по ступенькам и остановилась на пороге пустой гостиной. На каминной решетке еще лежала остывшая горка золы. С новогодней елки свисала серебристая гирлянда. На полке замер картонный ангел с блестящими крылышками. Кэти повернулась и, пройдя по коридору, заглянула в комнату Сары. Никого. Только неубранная постель да отброшенное одеяло.

– Сара?

Голос проглотила тишина. Коттедж вдруг показался не просто большим, а огромным. Она вернулась в гостиную, прошла в кухню. В раковине – две чайные чашечки. Так и остались со вчерашнего вечера. Дверь была открыта, и на подоконнике подрагивала ветка спаржи.

Переступив порог, она направилась к навесу, под которым стоял старенький «додж» подруги.

– Сара?

На крыше что-то зашуршало. Кэти вздрогнула, вскинула голову и… рассмеялась – на дереве бойко щебетала голубая сойка. Похоже, победитель оповещал всех о своем триумфе. Что ж, даже в птичьем царстве свои уловки.

Она уже повернулась было к дому, когда взгляд скользнул по бурому пятну на гальке под задним колесом машины. Несколько секунд Кэти растерянно смотрела на него, не понимая, что оно может значить, потом медленно двинулась в обход «доджа».

Шаг… еще шаг… еще… Она подняла голову. Ржавый след вел к дорожке, и там этот высохший ручеек заканчивался алой лужицей, в которой лежала…

Победная песня сойки оборвалась – к деревьям метнулся другой звук. То был пронзительный, полный ужаса вопль Кэти.

– Мистер… Эй, мистер.

Виктор попытался отгородиться от надоедливого звука, но тот бился и бился в ухо, как настырная муха.

– Мистер… Эй, мистер. Вы очнулись?

Он открыл глаза и, морщась от боли, сфокусировал взгляд на сухощавом лице с торчащими седыми бакенбардами. Привидение ухмыльнулось, явив пустой, беззубый рот. «Я умер и попал в ад», – подумал Виктор.

– Эй, мистер, сигаретка найдется?

Виктор покачал головой и едва слышно прошептал:

– Сомневаюсь.

– Ну тогда хоть доллар занять можно?

– Отвали, – прохрипел Виктор, щурясь от яркого дневного света. Он попытался вспомнить, где находится, но голова болела, а нудный голос не давал сосредоточиться.

– Да, здесь сигареткой не разживешься. Как в тюрьме. Я бы встал да ушел, но, знаешь, на улице сейчас холодно. Опять же дождь всю ночь лил. Не будь тут теплее…

Дождь всю ночь… В голове как будто щелкнуло, и Виктор вспомнил. Дождь. Лес. И он бежит… через лес… под дождем…

Виктор открыл глаза:

– Где я?

– Палата номер три. Территория злобных гадин.

Он попытался сесть и едва не задохнулся от боли. В глазах помутилось. Он зацепился взглядом за металлическую стойку с пластиковым пакетом, наполовину заполненным какой-то жидкостью, медленно капающей в длинную прозрачную трубку, которая шла к его руке. Левое плечо было перебинтовано. За окном светило солнце.

– Который час?

– Не знаю. Наверное, часов девять. Завтрак вы пропустили.

– Мне нужно уйти отсюда. – Виктор спустил с кровати ноги и обнаружил, что, кроме дешевого больничного халата, на нем ничего нет. – Где моя одежда? Бумажник?

Старик пожал плечами:

– Сестра должна знать. Вы у нее спросите.

Кнопка вызова нашлась под простыней. Нажав ее несколько раз, Виктор начал отдирать пластырь, фиксировавший на руке трубку от капельницы.

Дверь с тихим шипением открылась, и женский голос рявкнул:

– Мистер Холланд! Вы что это себе позволяете?

– Ухожу отсюда, вот что я делаю, – ответил он, отбрасывая комочек пластыря. А вот вытащить из вены трубку не удалось – медсестра, метнувшись к кровати,

накрыла катетер марлевым тампоном.

– Я ни при чем, мисс Редферн! – завопил старик.

– Марш в постель, Ленни! Живо! А что касается вас, мистер Холланд… – Она пронзила Виктора суровым взглядом. – Предупреждаю, вы потеряли слишком много крови.

– Верните мне одежду.

– Не спорьте, мистер Холланд. Вам придется остаться.

– Почему?

– Потому что у вас капельница, вот почему! – рявкнула мисс Редферн, надежно закрепляя трубку.

– Мне нужна моя одежда! – требовательно повторил он.

– Нам никакую одежду не присылали. Надо в неотложке спросить.

– Ну так спросите! Позвоните им, черт возьми! – Медсестра неодобрительно нахмурилась, и Виктор, скрипнув зубами, с натянутой вежливостью добавил: – Пожалуйста, если вам не трудно.

Прошло еще полчаса, прежде чем появившаяся в палате женщина объяснила, что случилось с его одеждой.

– Боюсь, мы… э… да… потеряли вашу одежду, мистер Холланд, – явно нервничая под его удивленным взглядом, призналась она.

– То есть как «потеряли»? Что это значит?

– Ваша одежда… – женщина замялась, – ее украли. Из отделения неотложной помощи. Поверьте мне, ничего подобного у нас раньше не случалось. Нам очень, очень жаль, мистер Холланд. Но уверяю вас, мы все возместим… купим вам

другую одежду…

Слишком озабоченная поиском выхода из неприятной ситуации, она не заметила, как изменилось лицо пациента. События минувшего вечера смешались в памяти в беспорядочный клубок. Дергая за ниточки неясных, обрывочных воспоминаний, он пытался понять, что же случилось с фотопленкой. Да, кассета была с ним, пока они ехали в больницу. Лежала в кармане ветровки. Виктор помнил, что все время держал ее в кулаке. Помнил, как отмахнулся и едва не ударил свою спасительницу, когда она попыталась вытащить его руку из кармана. Но что было потом? Дальнейшее слилось в неясное пятно. Неужели я потерял кассету? Неужели я потерял свою единственную улику?

– …Деньги пропали, но ваши кредитные карточки, похоже, на месте, так что все не так уж и плохо.

Он непонимающе посмотрел на нее:

– Что? Что вы говорите?

– Я говорю о ваших личных вещах, мистер Холланд. – Женщина указала на бумажник и часы, которые только что положила на прикроватный столик. – Охранник нашел их в урне во дворе. Похоже, вора интересовали только наличные.

– Да. И моя одежда.

Как только она вышла, Виктор тут же нажал кнопку вызова. Мисс Редферн появилась буквально тут же – с заставленным едой подносом.

– Поешьте, мистер Холланд. Вы так нервничаете, а может, дело всего только в гипогликемии.

– В неотложку меня привезла какая-то женщина. Ее зовут Кэтрин. Мне нужно найти ее.

– Ну вот! Вы только посмотрите, что у нас тут. Яичница и «райе криспиз». Вот ваша вилка. Берите-ка да…

– Мисс Редферн! Вы можете забыть на минуту об этих чертовых хлопьях!

– А вот чертыхаться не надо! – Мисс Редферн решительно водрузила поднос на столик.

– Мне необходимо найти эту женщину!

Не говоря ни слова, мисс Редферн развернулась и, приняв обиженный вид, промаршировала к двери. Вернувшись через несколько минут, она протянула ему листок, на котором рядом с именем Кэтрин Уивер был указан местный адрес.

– Вы уж завтракайте побыстрее. Вас там полицейский дожидается. Хочет поговорить.

– Ладно, – проворчал он, поддевая вилкой кусочек холодной, застывшей, похожей на резиновую яичницы и отправляя его в рот.

– А еще звонили из ФБР. Их человек уже едет сюда.

Виктор нервно вскинул голову:

– Человек из ФБР? Как его имя?

– Господи, да откуда ж мне знать! – Она пожала плечами. – Вроде бы что-то польское.

Виктор кивнул и медленно опустил вилку.

– Половски, – негромко сказал он.

– Вроде бы так, Половски. – Мисс Редферн повернулась и, качая головой, вышла из палаты. – ФБР… надо же, – проворчала она. – Интересно, что такое надо натворить, чтобы тобой заинтересовалось ФБР?

Дверь еще не закрылась, а Виктор уже вскочил с кровати и, сорвав тампон, вытащил из вены трубку. Боли он даже не почувствовал – мысли были заняты

другим. Как можно скорее, пока здесь не появился Половски, выбраться из больницы. Виктор не сомневался, что именно фэбээровец подставил его прошлым вечером. Второй попытки им дать нельзя.

Он повернулся к соседу по палате:

– Ленни, где ваша одежда?

Старик неохотно указал на шкаф возле умывальника:

– Там. Только другой у меня нет. Да она вам и не подойдет, мистер…

Виктор распахнул дверцу. Достал поношенную, с бахромой на рукавах хлопчатобумажную рубашку, мешковатые штаны из полиэстера. Штаны оказались коротковаты, так что из-под манжет торчали добрых шесть дюймов волосатых ног, но такая мелочь Виктора не смутила. Он решительно затянул ремень. Настоящей проблемой могла стать обувь, слишком маленького для него размера. К счастью, в шкафу нашлись шлепанцы. Правда, пятки выступали на целый дюйм, но жаловаться не приходилось – все лучше, чем босиком.

– Эй, они же мои! – запротестовал Ленни.

– Вот. Можете взять. – Виктор бросил старику часы. – Сдадите в ломбард – обновите весь гардероб.

С сомнением посмотрев на часы, Ленни поднес их к уху:

– Хлам. Они ж даже не тикают.

– Потому что кварцевые.

– А… Ну да. Я так и подумал.

Виктор положил в карман бумажник, подошел к двери и, приоткрыв ее, выглянул в коридор. В одном его конце находился пост дежурной медсестры, другой заканчивался дверью с предостерегающей надписью: «Запасной выход. Снабжен сигнализацией».

Выскользнув в коридор, он неторопливо, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать, направился к запасному выходу. До двери оставалось несколько шагов, когда его догнал знакомый голос, эхом разлетевшийся по пустому коридору:

– Мистер Холланд! Немедленно вернитесь в палату!

Он метнулся к спасительному выходу, врезался в дверь, выскочил на лестницу и помчался вниз по бетонным ступенькам, оставляя за собой гулкое эхо. К тому времени как мисс Редферн добралась до запасного выхода, Виктор уже достиг первого этажа и летел к последней двери, отделявшей его от свободы.

– Мистер Холланд! – завопила медсестра.

Ее крик еще бился в ушах, когда он, выскочив во двор, помчался через парковочную площадку.

Пройдя восемь кварталов, Виктор зашел в «Кей-март» и уже через десять минут обзавелся рубашкой, джинсами, бельем, носками и теннисными туфлями, заплатив за покупки кредитной карточкой. Старая одежда Ленни отправилась в мусорный ящик.

Прежде чем выйти из магазина, он посмотрел в окно. Ничего особенного. Обычное декабрьское утро провинциального городка. Протянутые через улицу безвкусные рождественские гирлянды. Неспешно прогуливающиеся горожане. Полдесятка автомобилей на перекрестке, терпеливо дожидающиеся, когда погаснет красный. Виктор уже шагнул к двери, когда заметил выезжающую из-за угла полицейскую машину. Отступив за стоящий в витрине голый манекен, он проводил взглядом автомобиль, который, миновав «Кей-март», продолжил движение в направлении больницы. Похоже, полицейские кого-то искали. Уж не его ли?

Прогулка по Мейн-стрит оборачивалась слишком рискованным предприятием. Неизвестно, кто еще, кроме Половски, вовлечен в их грязную игру.

Прошло не меньше часа, прежде чем Виктор добрался до окраины. За этот час он так устал, что едва держался на ногах. Прилив сил, вызванный выброшенной

в кровь дозой адреналина и помогший сбежать из больницы, давно ушел. Чувствуя, что свалится, если сделает еще хотя бы шаг, Виктор опустился на камень у шоссе и без особой надежды поднял руку. Ему повезло – остановилась первая же машина, груженный дровами пикап. Забравшись в кабину, он благодарно кивнул и рухнул на продавленное сиденье.

Водитель сплюнул в окно и, посмотрев на попутчика из-под козырька бейсболки с логотипом популярного сельскохозяйственного кооператива, спросил:

– Далеко путь держишь?

– Нет, тут рядом. Оук-Хилл-роуд.

– Понятно. Как раз буду проезжать мимо. – Вывернув на дорогу, водитель дал газу, и грузовичок, устало чихнув черным дымом, покатил по шоссе под рвущиеся из динамика звуки кантри.

Сквозь гитарные переборы пробился резкий, пронзительный звук. Виктор вздрогнул. Сирена. Обернувшись, он увидел догоняющую их сзади патрульную машину. «Вот и все. Они меня нашли. Сейчас остановят пикап… арестуют…»

Но за что? За то, что ушел из больницы? За оскорбление мисс Редферн? Или Половски уже сочинил обвинение посерьезнее?

С чувством полной безысходности Виктор снова откинулся на спинку сиденья, ожидая, когда патрульный автомобиль догонит их и подаст сигнал остановиться. Он настолько уверовал в собственный прогноз, что даже удивился, когда машина с мигалкой пронеслась мимо.

– Должно быть, что-то случилось, – проворчал водитель, кивая вслед быстро удаляющемуся автомобилю.

– Думаете, случилось? – Виктор облегченно перевел дыхание.

– Не иначе. Просто так они с сиреной не раскатывают, но раз уж включили, значит, что-то случилось. Ух ты, неужто и по городу с ней пролетят!

Сердце еще колотилось о ребра. «Успокойся, – приказал он себе. – Расслабься». Беспокоиться не о чем. Полиция ищет не его – у них, похоже, других забот хватает. Интересно, какая катастрофа постигла городок, что они так всполошились? Скорее всего, какие-нибудь подростки угнали чью-то машину.

К повороту на Оук-Хилл-роуд пульс уже вернулся в норму. Виктор поблагодарил хозяина пикапа, вышел и огляделся. И где же дом Кэтрин Уивер? Оказалось, идти нужно еще довольно далеко. Путь лежал через сосновую рощу. Ориентироваться помогали вынесенные к дороге почтовые ящики. За деревьями просматривались дома.

Только вот что он ей скажет? До сих пор главной целью было добраться до ее дома, теперь предстояло придумать убедительное объяснение неожиданного визита. Ради чего он сорвался с больничной койки и притащился в такую даль? Только для того, чтобы поблагодарить? «Спасибо, вы спасли мне жизнь». Нет, такой вариант не пройдет. Ему нужна кассета с фотопленкой. Но если спросить напрямую, она, разумеется, поинтересуется, что такого важного на этой чертовой пленке.

«Ты можешь сказать правду».

Нет, нельзя. Только не это. Нетрудно представить, какой будет ее реакция, когда он заведет рассказ о вирусах, погибших ученых и ведущих двойную игру фэбээровцах. «Так вас ищет ФБР? Понятно. И кто же еще гонится за вами, мистер Холланд?»

Абсурд. Бред параноика. Он и сам поднял бы на смех того, кто выступил бы с подобными заявлениями. Нет, с такими откровениями недолго снова оказаться в больнице, только теперь уже в другой палате. Такой, в сравнении с которой та, где он был, покажется раем.

Правду ей знать не обязательно. Это в ее же интересах. Кэтрин Уивер спасла ему жизнь, и он не станет подвергать женщину опасности. Все, что ему нужно, – это получить у нее кассету с пленкой. И больше она его не увидит.

Репетируя будущий разговор с Кэтрин Уивер, Виктор заметил полицейские машины только тогда, когда прошел последний поворот. Прошел и замер. Перед грубоватым, сложенным из кедра коттеджем стояли три патрульные машины –

вероятно, весь автомобильный парк полиции Гарбервиля. Неподалеку, на посыпанной гравием подъездной дорожке, собралось с полдюжины соседей. Люди негромко переговаривались и качали головами. Неужели с Кэтрин что-то случилось?

Справившись с первым порывом – повернуться и бежать, – Виктор прошел мимо автомобильного кордона, обогнул толпу зевак и чуть не наткнулся на вставшего перед ним полицейского.

– Извините, сэр. Дальше мы никого не пускаем.

Ошеломленный, Виктор огляделся и увидел, что полиция уже растянула по периметру красную ленту. Взгляд его скользнул к навесу, у которого стоял старенький «датсун». Чья это машина? Кэтрин? Он попытался вспомнить марку ее автомобиля, но от прошлой ночи остались только темнота и боль, в которых потерялось все остальное. Судя по тому, что ноги постоянно во что-то упирались, модель была компактная. Присмотревшись, Виктор заметил на заднем бампере выцветший парковочный стикер: «Парковка разрешена, киностудия, площадка А».

«Я работаю в независимой кинокомпании».

Значит, машина ее.

Взгляд остановился на ржавом пятне у заднего колеса «датсуна». Сомневаться в его происхождении не приходилось – Виктор сразу понял, что это засохшая кровь, – но сердце отказывалось верить, и он пытался придумать какое-то другое объяснение и страшному пятну, и не предвещающему ничего хорошего присутствию полиции.

Из горла вырвалось что-то похожее на сухой скрежет камней.

– Вы что-то сказали, сэр? – спросил полицейский.

– Что… что случилось?

Полицейский покачал головой:

– Прошлой ночью здесь убили женщину. В наших краях первое убийство за десять лет.

– Убийство? – Виктор никак не мог отвести глаза от залитой кровью гальки. – Но… почему?

Полицейский пожал плечами:

– Пока еще неизвестно. Возможно, ограбление, хотя взять было особенно нечего. – Он кивнул в сторону навеса. – Взломана только машина.

Виктор не помнил, ответил что-то или нет. Мысли смешались. Ноги сами понесли его назад, к дороге – мимо зевак, мимо полицейских машин… Яркое солнце слепило глаза. Он не видел, куда идет, и ничего вокруг не замечал, но это было не важно.

«Я убил ее. Она спасла мне жизнь, а я убил ее…»

Горло перехватило так, что он не мог дышать. Каждый шаг отдавался болью. Добравшись до дороги, Виктор остановился и долго стоял на обочине – опустив голову, молча оплакивая женщину, которую никогда раньше не знал. Сияло солнце, трещали на ветках сойки, а он все стоял, скорбя по той, которую не знал.

Когда боль наконец отпустила, и он смог поднять голову, его глаза горели гневом. Кэтрин погибла, и в ее смерти виновны двое: убийца и тот, кто навлек на нее смертельную опасность. Убийца явился за пленкой и, вероятно, нашел ее в «датсуне», потому что если бы не нашел, то обшарил бы и дом.

И что теперь? В разбитой машине остался кейс с другими уликами, но разыскивать его бессмысленно – туда киллер заглянул в первую очередь. С потерей фотопленки у него не осталось никаких улик. Выступать против «Виратека» с голословными обвинениями бессмысленно – газеты не поверят, посчитав, что им движет желание отомстить бывшим работодателям. После предательства Половски нельзя доверять и ФБР.

Вспомнив о Половски, Виктор прибавил шагу. Из Гарбервиля надо убираться как можно скорее. Поймать попутку и уехать подальше. В какое-нибудь безопасное

место. Туда, где можно спокойно, не торопясь, обдумать следующий шаг.

Пожалуй, лучше всего на юг. В Сан-Франциско.

Глава 3

Стоя у окна своего офиса, Арчибальд Блэк видел, как проплывший по длинной подъездной дорожке лимузин остановился перед главным входом. Блэк презрительно фыркнул. Ковбой вернулся в город, черт бы его побрал. И надо же, после стольких разглагольствований о важности соблюдения режима секретности, о необходимости сохранить этот визит в тайне идиот не придумал ничего лучше, как заявиться в лимузине. Да еще наверняка и с шофером в форме.

Отвернувшись от окна, Блэк прошел к столу. Презирая в душе нынешнего гостя, он не мог не признать, что испытывает в его присутствии беспокойство. Груда мускулов и слишком мало мозгов. Уж больно много власти забрали эти придурки, любящие называть себя людьми действия. А разве не такие управляют и всей страной?

Зазвенел интерком – секретарша.

– Мистер Блэк? К вам мистер Тайрон.

– Просите.

Когда дверь открылась и в кабинет вошел Мэтью Тайрон, лицо мистера Блэка выражало уже не презрение, а вежливое почтение.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Гость сжал тонкую, сухую ладонь старика, будто желая показать, за кем тут сила. Все в нем выдавало отставного морпеха, и только располневшая талия свидетельствовала о том, что дни военной службы остались далеко позади.

– Как долетели? – осведомился Блэк, когда оба, хозяин и гость, сели напротив друг друга.

– Обслуживание на борту отвратительное. Эти коммерческие рейсы, скажу я вам, совсем не те, что были когда-то. И за что только платят американцы.

– Полагаю, никакого сравнения с бортом номер один.

Тайрон улыбнулся:

– Что ж, перейдем к делу. Расскажите мне, что тут и как. Насколько я понимаю, у вас тут небольшой кризис.

«У вас, – подумал Блэк. – Значит, теперь это уже моя проблема». Разумеется. Эти люди никогда и ни в чем не ошибаются. Если что-то идет не так, виноватым всегда оказывается кто-то другой. В случае утечки полетит, конечно, его, Блэка, голова. В то же время он сам – и в его лице «Виратек» – прекрасно понимал, какую ответственность берет на себя и чем рискует. Но уж очень соблазнительным было предложение. От таких контрактов не отказываются.

– Документы мы вернули. Фотопленки тоже. Негативы сейчас проявляют.

– А двое ваших служащих?

Блэк осторожно откашлялся.

– Необходимости в дальнейших шагах нет.

– Они – угроза национальной безопасности.

– Ну нельзя же их просто убить!

– Нельзя? Неужели? – Холодные глаза Тайрона отливали стальным блеском. Подходящие глаза для человека, называющего себя Ковбоем. С тем, у кого такой взгляд, спорить может только тот, кто начисто лишен инстинкта самосохранения.

Блэк почтительно кивнул.

– Я не занимаюсь такого рода… бизнесом. И мне не нравится вести дела с этим вашим Сэвичем.

– Мистер Сэвич уже работал на нас раньше и всегда хорошо справлялся.

– Он убил одного из моих лучших сотрудников!

– Полагаю, так было нужно.

Блэк опустил голову. При одной лишь мысли об этом чудовище Сэвиче его бросало в дрожь.

– А теперь объясните, что случилось с Мартиником? Почему он вдруг сорвался?

«Потому что у него была совесть», – подумал Блэк, хмуро взглянув на Тайрона.

– Все произошло неожиданно. Мартиник десять лет работал в нашем исследовательском отделе, и никаких проблем с ним не было. На прошлой неделе выяснилось, что он вынес секретные документы. Вот тогда в дело оказался замешанным и Виктор Холланд…

– Холланду много известно?

– К проекту Холланд отношения не имел. Но он умен. Если видел документы, мог вычислить, о чем идет речь.

Теперь заволновался и Тайрон:

– Расскажите мне о Холланде. – Он побарабанил пальцами по столу. – Что вы о нем знаете?

– Я просмотрел его личное дело. Сорок один год. Родился и вырос в Сан-Диего. Поступил в семинарию, но через год ушел. Потом учился в Стэнфордском университете и Массачусетском технологическом институте. Имеет докторскую

степень по биофизике. В «Виратеке» работает четвертый год. Один из самых многообещающих наших исследователей.

– Личная жизнь?

– Жена умерла три года назад от лейкемии. Сейчас у него никого нет. Живет один. Человек спокойный, любит классический джаз. Играет на саксофоне в какой-то любительской группе.

Тайрон рассмеялся:

– Типичный зануда. У вас ведь большинство таких.

Реплика в духе тупого морпеха, неприязненно подумал Блэк. Ни на что другое ума не хватает. Десять лет назад он сам создал «Виратек нндастриз». Для него, ученого-биохимика, пусть и бывшего, комментарий Тайрона был почти прямым оскорблением.

– Что ж, значит, избавиться от такого будет нетрудно, – продолжал гость. – Опыта никакого. Да и напуган, наверное. – Он потянулся за кейсом. – Мистер Сэвич – эксперт в подобного рода вопросах. Считаю, вам следует поручить ему решить эту проблему.

– Конечно. – По правде говоря, ничего другого, как согласиться, ему и не оставалось. Николас Сэвич представлял собой темную, пугающую силу, которая, будучи выпущенной на свободу, становилась абсолютно неконтролируемой.

Снова ожил интерком.

– Здесь мистер Грегорьян из фотолаборатории, – сообщила секретарша.

– Пусть войдет. – Блэк взглянул на Тайрона. – Пленку проявили. Давайте посмотрим, что успел сфотографировать Мартиник.

Грегорьян вошел в кабинет с пухлым конвертом.

– То, что вы просили, – сказал он и, положив на стол перед Блэком конверт, прикрыл ладонью рот, сдерживая звук, подозрительно похожий на смех.

– Что такое, мистер Грегорьян? – недовольно осведомился Блэк.

– Ничего, сэр.

Блэк вытряхнул из конверта пять фотографий и разложил их на столе для всеобщего обозрения. Гость привстал.

Несколько секунд все молчали. Тишину нарушил Тайрон:

– Это что, шутка?

Грегорьян рассмеялся.

– Что это? – сердито спросил Блэк.

– Печать с тех негативов, что вы, сэр, сами мне дали, – объяснил Грегорьян. – Я лично с ними работал.

– Хотите сказать, что это и есть те фотографии, которые вы забрали у Холланда? – с обманчивой мягкостью поинтересовался Тайрон и, не сдержавшись, взревел: – Фотографии с голыми женщинами?

– Это какая-то ошибка, – заволновался Блэк. – Не та пленка…

Грегорьян уже хохотал.

– Прекратите! – рявкнул Блэк и посмотрел на Тайрона: – Не понимаю, что случилось, но…

– Значит, нужная нам пленка все еще где-то там?

Блэк устало кивнул.

Тайрон потянулся к телефону.

– Необходимо провести полную зачистку. И быстро.

– Кому вы звоните? – спросил Блэк.

– Тому, кто сделает все как надо, – проворчал Тайрон, набирая номер. – Сэвичу.

Расхаживая по вытертому, цвета авокадо, ковру в комнате мотеля на Ломбард-стрит, Виктор Холланд пытался выработать план действий. Подойдя к вопросу логически, как и подобает ученому, он разложил ситуацию на элементы исследовательского проекта. Прежде всего определить проблему: его хотят убить. Сформулировать гипотезу: Джерри Мартиник раскопал что-то опасное и из-за этого погиб. Теперь они думают, что информация – и улики – перешли к нему. Но ее у него нет. Цель: остаться в живых. Метод: любыми, черт возьми, средствами!

Последние два дня вся его стратегия сводилась к тому, что он прятался в дешевых мотелях да ходил вот так, из угла в угол. Но вечно скрываться невозможно. Если в деле замешаны федералы – а у него были основания считать, что они замешаны, – то рано или поздно его найдут по следу, оставленному кредитными карточками.

«Мне нужен план решения задачи».

Вариант с ФБР отпадал. Виктор уже выходил на контакт с агентом Сэмом Половски. Они договорились встретиться в Гарбервиле. Никто другой об этой встрече знать был не должен. Но Сэм Половски в условленное время не появился.

Зато пришел кто-то другой. Забывать о едва не закончившемся трагически рандеву не позволяло раненое плечо.

Можно было бы обратиться к прессе. Но как убедить в своей правоте скептически настроенных репортеров? Кто поверит рассказу о проекте, реализация которого угрожает жизни миллионов людей? Его сочтут параноиком,

излагающим свои бредовые идеи.

«А я не параноик».

Виктор посмотрел на часы и включил телевизор – время пятичасовых новостей. Ведущая программы, демонстрируя идеальную прическу, с улыбкой рассказывала о событиях прошедшего дня, связанных с рождественскими каникулами. Перейдя к следующей теме, она посерьезнела. Виктор замер перед экраном.

«В Гарбервиле, штат Калифорния, продолжается расследование убийства. Напомню, что утром в среду у своего дома была обнаружена Сара Бойлан, тридцати девяти лет, умершая от полученных ножевых ранений. Жертва находилась на пятом месяце беременности. Полиция озадачена отсутствием мотива, приведшего к столь ужасной трагедии. Подозреваемых в совершении преступления пока нет. Переходим к другим новостям…»

Нет, нет, нет! Она не была беременна. И звали ее не Сара. Это ошибка…

Или нет?

«Меня зовут Кэтрин…»

Кэтрин Уивер. Да, именно так ее знали. Он не мог ошибиться. И это имя не забудет до конца жизни.

Виктор опустился на кровать и попытался сопоставить новые факты с тем, что уже знал. Сара… Кэти… Убийство в Гарбервиле…

Через несколько минут он поднялся – нет, вскочил – с кровати в состоянии близком к панике. Схватил с тумбочки телефонный справочник, торопливо пролистал до «У». Теперь все стало на свои места. Убийца ошибся, приняв Сару за Кэти. Если Кэти еще жива, пленка может быть у нее. Или она знает, где ее найти. Нужно спешить.

Пока до Кэти не добрался кто-то другой.

* * *

В свою квартиру в Сан-Франциско Кэти вернулась совершенно подавленная. В ночь после убийства Сары, в мотеле Гарбервиля, она выплакала, казалось, все слезы, но ужас случившегося вернулся, и вот они снова поползли по щекам. Кэти плохо помнила, как добралась домой – она как будто оцепенела на несколько часов, – но у двери квартиры, на площадке второго этажа, где царила мертвая тишина, ее настигла новая волна скорби. Страшная картина снова и снова вставала перед глазами, и вместе с ней вопрос, ответа на который она, как ни старалась, не находила. Почему Сара? Почему?

Она начала разбирать вещи, но так и не закончила. Потом, понимая, что нужно найти какое-то дело, отвлечься, обследовала холодильник. Съестного почти не осталось. Другого предлога, чтобы сбежать из четырех стен, и не требовалось. Она натянула свитер и, чувствуя себя в каком-то смысле беглянкой, отправилась в магазин, находившийся в четырех кварталах от дома. Купила только самое необходимое: хлеб, яйца, фрукты. Вполне достаточно, чтобы продержаться несколько дней, прийти в себя, а потом уже попытаться вернуться в привычную колею.

Держа по бумажному пакету в каждой руке, Кэти возвращалась домой. Вечер выдался холодный, и она уже жалела, что не надела пальто.

– Пора обедать! – крикнула в открытое окно какая-то женщина, и двое детей, игравших на тротуаре в кикбол, тут же поспешили на зов.

Замерзшая, едва удерживая в руках пакеты с покупками, Кэти вошла в подъезд, устало поднялась по лестнице, достала неуклюже ключ и открыла дверь. Она уже повернулась, чтобы запереть ее за собой, когда услышала быстрые шаги, а в следующее мгновение кто-то метнулся к ней и втолкнул в вестибюль. Пакет опрокинулся, яблоки раскатились по полу. Кэти споткнулась и не упала только потому, что ухватилась за деревянные перила. Дверь с грохотом захлопнулась у нее за спиной.

Она обернулась, готовая сопротивляться до последнего.

Перед ней стоял Виктор Холланд.

– Вы? – изумленно выдохнула Кэти.

А вот он, казалось, не был так уверен, что нашел ту, кого искал.

– Кэти? – Он всматривался в ее лицо с отчаянной надеждой, словно искал подтверждения тому, что она – это она. – Кэти Уивер?

– И что это вы себе позволяете? Какого…

– Где ваша квартира? – перебил Виктор.

– Квартира… э… выше… но…

– Идемте. – Он схватил ее за руку, но Кэти уперлась.

– Мои покупки… – Она растерянно посмотрела на раскатившиеся яблоки.

Виктор быстро подобрал их, рассовал по пакетам и подтолкнул ее к лестнице.

– У нас мало времени.

Она послушно поднялась до второго этажа, но в холле остановилась.

– Минутку. Вы сейчас же объясните, в чем дело, мистер Холланд, или я не сделаю больше ни шагу!

– Дайте мне ключи.

– Вы не имеете права вот так…

– Дайте мне ваши ключи!

Шокированная требовательным тоном, Кэти молча уставилась на него и вдруг поняла, что видит в его глазах панику. И вообще он походил на человека, которого загнали в угол.

Не говоря ни слова, она протянула ему ключи.

– Подождите здесь, – бросил Виктор. – Мне надо проверить вашу квартиру.

Кэти растерянно смотрела, как он открывает дверь и осторожно входит в прихожую. Некоторое время из квартиры не доносилось ни звука. Она представила, как он ходит по комнатам. И долго это будет продолжаться? Квартира у нее небольшая, и, чтобы ее проверить, достаточно нескольких секунд. Почему же его нет?

Она нерешительно шагнула к двери и только собралась переступить порог, как он вырос перед ней из ниоткуда. От неожиданности Кэти вскрикнула. Пакет снова выпал из рук, и Виктор едва успел его подхватить.

– Все в порядке. Входите.

Она вошла, и он тут же запер дверь на замок.

– Вы собираетесь объяснить, что происходит? – спросила Кэти, проходя за ним в комнату.

– У нас неприятности.

– Хотите сказать, у вас неприятности.

– Нет. Именно у нас. У нас обоих. – Он повернулся и посмотрел ей в глаза. – Пленка у вас?

– О чем вы говорите? – удивилась Кэти, сбитая с толку неожиданным вопросом. – Какая пленка?

– Я говорю о тридцатипятимиллиметровой фотопленке. В черном пластиковом контейнере. Она у вас?

Кэти не ответила. Но вспомнила. Прошлый вечер… они в кухне Сары… и черная кассета на столе… Кассета, принадлежавшая, как она подумала, ее приятелю Хикки. Она положила пленку сначала в карман халата, а потом в сумочку. Но

делиться этой информацией Кэти не собиралась. По крайней мере до тех пор, пока Виктор не расскажет, зачем ему пленка. Вот почему она ответила ему недоуменным взглядом, сделав вид, что не понимает, о чем идет речь.

Заметно разочарованный ее ответом, он все же сдержался, перевел дыхание и начал заново:

– В ту ночь, когда вы нашли меня… на шоссе… кассета лежала в кармане. В куртке. Но потом, когда я очнулся в больнице, ее у меня не было. Я мог обронить ее в вашей машине.

– Почему для вас так важна эта пленка?

– Она нужна мне… как доказательство.

– Доказательство чего?

– Слишком долго объяснять.

Кэти пожала плечами:

– В таком случае мне ничего не остается…

– Черт возьми! – Он шагнул к ней, схватил за плечи, повернул к себе. – Неужели непонятно? Из-за этой пленки убили вашу подругу! Они искали пленку в вашей машине!

Секунду она смотрела на него растерянно, а когда поняла, содрогнулась от ужаса:

– Сара…

– Вашей подруге просто не повезло. Должно быть, убийца принял ее за вас.

Кэти попыталась отвести глаза и не смогла. Он держал ее в тисках пристального, неумолимого взгляда. Чувствуя, что вот-вот упадет, она

бессильно опустилась на ближайший стул и застыла в оцепенении.

– Вам нужно уходить отсюда, – сказал Виктор. – Как можно скорее. Пока они не нашли вас. Пока не просчитали, что вы и есть та самая Кэти Уивер, которую они ищут.

Она не шелохнулась. Не смогла. Ее как будто парализовало.

– Ну же, Кэти. У нас мало времени.

– Что на той пленке? – чуть слышно спросила она.

– Я уже сказал. Улики. Против одной компании, которая называется «Виратек».

Она нахмурилась:

– Но… разве это не та компания, на которую вы работаете?

– Работал… раньше.

– Что же такого они сделали?

– Занимаются разработкой нелегального проекта. Детали я вам сказать не могу.

– Почему?

– Потому что сам их не знаю. Понимаете, улики собирал не я. Мне их передал коллега… друг. Передал перед самой своей смертью.

– Его тоже убили?

– Полиция считает, что имел место несчастный случай. У меня другое мнение.

– Хотите сказать, что вашего друга убили из-за какого-то научного проекта? – Кэти с сомнением покачала головой. – Тогда это было что-то очень опасное.

– Да. Речь идет о разработке биологического оружия. Вот почему сам проект незаконен. И крайне опасен.

– Биологическое оружие? Но для кого? Для какого-нибудь правительства?

– Да. Для нашего.

– Не понимаю. Если проект государственный, то как он может быть незаконным?

– Законы могут нарушать все. В том числе и люди наверху. Такое уже случалось.

– Вы говорите о людях наверху. На каком уровне?

– Не знаю. Но доверять нельзя никому. Ни полиции, ни министерству юстиции. Ни даже Федеральному бюро расследований.

Кэти недоверчиво покачала головой. То, что он говорил, походило на бред параноика. Но голос и глаза убеждали в его полной вменяемости. Эти глаза, зеленовато-синие, как море. Они не лгали. И смотрел он на нее открыто, искренне. Так мог смотреть только человек, который говорит правду.

– Хотите сказать, что ФБР тоже охотится за вами? – тихо спросила она. – Я правильно вас поняла?

Глаза вспыхнули гневом и тут же потухли. Он со стоном опустился на диван. Провел ладонью по волосам.

– Понимаю, что вы думаете. Понимаю, поверить в это трудно. Я вас не виню. Просто подумал, что если мне кто и поверит, то только вы…

– Почему я?

Виктор поднял голову:

– Потому что вы спасли мне жизнь. Потому что вы следующая, кого они попытаются убить.

Она застыла. Нет, нет, не может быть. Это безумие. Он хочет заставить ее поверить в свой бред, втянуть в придуманный им кошмарный мир убийств и заговоров. Но она не поддастся!

Кэти поднялась и прошлась по комнате. Раз, еще раз… Ее остановил его голос:

– Подумайте сами. Зачем кому-то убивать вашу подругу? Объяснение только одно: Сару приняли за вас. Сейчас они уже знают, что ошиблись. Они вернутся и на этот раз сделают все как надо. Им нужно вас убрать. На случай, если вы что-то знаете. На случай, если улики попали к вам и…

– Такого не может быть! – крикнула она, закрывая ладонями уши. – Это же просто безумие! Никто не станет…

– Посмотрите! – Виктор выхватил из кармана рубашки обрывок газеты. – По пути сюда я проходил мимо газетного киоска. Это было на первой полосе.

Кэти развернула мятый листок. С фотографии на нее смотрела незнакомая женщина средних лет. Подпись под снимком гласила: «Жительница Сан-Франциско застрелена на пороге собственного дома».

– Но какое отношение это имеет ко мне? – растерянно спросила она.

– Посмотрите, как ее звали.

Кэти пробежала взглядом по строчкам.

Убитую звали Кэти Уивер.

Бумажка выскользнула из пальцев и упала на ковер.

– В телефонной книге Сан-Франциско три Кэтрин Уивер, – продолжал Виктор. – Эта застрелена сегодня, в девять утра. Что случилось со второй, я не знаю. Не исключено, что ее уже нет в живых. Следующая в списке – вы. Времени, чтобы обнаружить вас, у них было достаточно.

– Меня не было в городе. Я вернулась буквально час-полтора назад…

– Вот и объяснение, почему вы еще живы. Может быть, они уже приходили сюда, но вас не застали и решили проверить двух других женщин.

Кэти вскочила – бежать, бежать, стучало в ушах.

– Нужно собрать вещи.

– Некогда. Давайте убираться отсюда поскорее.

«Делай, как он говорит!» – требовал внутренний голос.

Она кивнула, повернулась и шагнула к двери, но на полпути остановилась:

– Сумочка…

– Где она?

Кэти повернулась, прошла мимо занавешенного окна.

– Я вроде бы оставила ее возле…

Оконное стекло взорвалось, и от осколков Кэти спасли только сомкнутые шторы. Инстинкт самосохранения бросил ее на пол в тот самый момент, когда за первым выстрелом последовал второй. И тут же сорвавшийся с дивана Виктор Холланд накрыл ее собой. Третья пуля с визгом врезалась в дальнюю стену, раскидав кусочки дерева и штукатурки.

Растерзанные шторы обвисли.

Несколько секунд Кэти лежала неподвижно, парализованная ужасом и придавленная тяжелым мужским телом. Потом вывернулась и, подгоняемая паникой, бросилась к двери.

– Ложитесь! – крикнул Виктор.

– Они же пытаются нас убить!

– Так не облегчайте им задачу! – Он схватил ее за руку и заставил пригнуться. – Мы выйдем. Но только не через переднюю дверь.

– А как?

– Здесь есть пожарная лестница?

– Да, у окна спальни.

– Она ведет на крышу?

– Даже не знаю. Кажется, да.

– Тогда – за мной.

Они выползли на четвереньках в прихожую и проползли дальше, в темную спальню. Сели под окном. Отдышались. Прислушались. Из темноты не доносилось ни звука. Потом снизу, из вестибюля, долетел звон разбитого стекла.

– Он уже в здании! – прошептал Виктор, открывая окно. – Быстрей, быстрей!

Кэти не заставила себя ждать. Ухватившись трясущимися руками за перекладину, она вылезла на пожарную лестницу. Виктор последовал за ней.

– Вверх. На крышу.

«А что потом?» Она поднялась выше, к третьему этажу. Хозяйка квартиры, миссис Чанг, уехала на неделю к сыну, в Нью-Джерси, и признаков жизни за темными, надежно запертыми окнами не наблюдалось. Здесь было не пройти.

– Дальше, – прошипел Виктор, подталкивая ее снизу.

Лестница кончалась. Еще несколько перекладин – и Кэти, перевалившись через бортик, свалилась на залитую асфальтом крышу. Секундой позже рядом упал

Виктор. Здесь, на крыше, миссис Чанг устроила небольшую оранжерею, и в воздухе стоял густой аромат китайских трав и овощей.

Прокравшись между растениями, Кэти и Виктор добрались до противоположного края крыши, к которому подступал соседний дом.

– Прыгаем? – спросила Кэти.

– Вперед.

Они перепрыгнули на соседнюю крышу и сразу пробежали дальше. От следующего дома их отделяла пропасть в добрых три фута шириной. Кэти даже не задумалась – страх толкнул ее вперед. Пролетев над бездной, она по инерции помчалась дальше, унося ноги от опасности.

Остановилась она только на крыше четвертого здания, обнаружив вдруг, что дальше бежать некуда. Далеко внизу лежала улица. Все, конец. Стоя на краю, Кэти почувствовала, что у нее начинает кружиться голова. Пожарная лестница выглядела абсолютно ненадежной.

Она сглотнула подступивший к горлу комок.

– Сейчас, наверное, не самое лучшее время для признаний, но…

– Что?

– Я боюсь высоты.

Виктор перегнулся через бортик.

– Просто не смотрите вниз.

Правильно, подумала она, перебираясь на лестницу и пытаясь нащупать ногой ступеньку. Главное – не смотреть вниз. Ладони вспотели, и пальцы соскальзывали с перекладины. Снова закружилась голова. Кэти закрыла глаза и отчаянно вцепилась в шаткую стальную конструкцию.

– Не останавливайтесь! – прошептал сверху Виктор. – Спускайтесь!

Страх сковал мышцы. Она вжалась лицом в холодный металл, не чувствуя его шершавой поверхности.

– Все в порядке, Кэти. Ну же, смелее.

Ей помогла боль, блокировавшая и головокружение, и даже страх. Когда она снова открыла глаза, мир уже не раскачивался. Не чувствуя под собой ног, она спустилась на несколько ступенек и сделала короткую остановку на площадке третьего этажа, чтобы вытереть о джинсы влажные ладони. На следующей площадке Кэти снова остановилась и посмотрела вниз. До земли еще оставалось добрых пятнадцать футов. Она попыталась опустить складной пролет, но заржавевшее железо ответило жутким скрипом.

– Нет, слишком шумно. Придется прыгать.

– Но…

К ее удивлению, он легко перебрался через перила и спрыгнул.

– Давайте, Кэти! – донесся снизу шепот. – Здесь невысоко. Я вас поймаю.

Пробормотав короткую молитву, она повторила его маневр, свесилась над бездной и, собравшись с духом, разжала руки.

Виктор не подвел – он и впрямь поймал ее, но удержал только секунду. Раненое плечо напомнило о себе пронзительной болью, рука дрогнула и упала, и они оба свалились на землю. Волей случая Кэти оказалась сверху. Несколько секунд они только смотрели друг на друга – ошеломленные, растерянные, сконфуженные.

Где-то вверху отворилось окно.

– Эй вы, бездельники! – прогремел мужской голос. – Если сейчас же не уберетесь, вызываю полицию!

Повторять не пришлось. Кэти мгновенно скатилась с Виктора, но, поднимаясь, наткнулась на мусорный контейнер. Крышка с грохотом свалилась на тротуар.

– Будем считать, что передохнули, – проворчал Виктор, неуклюже поднимаясь с земли. – Уходим.

Они промчались по улице, свернули в переулок и понеслись дальше. И только миновав пять или шесть кварталов, остановились, чтобы отдышаться, и оглянулись.

Улица была пуста.

Спаслись!

* * *

Подойдя к аккуратно застеленной кровати, Николас Сэвич остановился и осмотрелся. Типично женская комната. В шкафу – с полдюжины недорогих, но элегантных платьев, в воздухе – сладковатый аромат, на туалетном столике – бутылочки с лосьонами, пудреница, флаконы с духами. Всего лишь пройдясь по комнате, он уже знал о живущей здесь женщине все. Стройная, размер платьев седьмой, обуви – шестой с половиной. Волосы в щетке каштановые и длинные, до плеч. Украшений мало. Ароматы предпочитает натуральные – розу и лаванду. Любимый цвет – зеленый.

Сбор информации Сэвич продолжил в гостиной. Хозяйка выписывала посвященные кино профессиональные журналы. Ее вкусы в музыке и книгах отличались эклектичностью. Заметив на полу обрывок газеты, он наклонился, поднял его и пробежал глазами заметку. Интересно. Похоже, смерть Кэтрин Уивер-1 не прошла незамеченной для Кэтрин Уивер-2.

Сэвич сложил газету и сунул в карман. Еще раз огляделся. И увидел на полу, у разбитого окна, дамскую сумочку.

Есть!

Он высыпал содержимое на кофейный столик. И что тут? Портмоне, чековая книжка, ручки, мелочь и… адресная книжка. Сэвич открыл ее на букву «Б». И сразу же наткнулся на имя, которое искал, – Сара Бойлан.

Теперь он знал, что здесь живет та самая, нужная ему Кэтрин Уивер. А ведь столько времени потрачено впустую, на поиски двух других.

Перелистав книжку, Сэвич обнаружил с десяток сан-францисских адресов. Что ж, ускользнуть от него она сумела. Но одно дело скрыться, и совсем другое – спрятаться надолго и не высовываться. Адресная книжечка с именами друзей, родственников и коллег может вывести прямиком на цель.

Где-то далеко, наверное на соседней улице, завыла полицейская сирена.

Пора уходить.

Забрав адресную книжку и портмоне, Сэвич направился к двери. Через несколько секунд он уже неторопливо шагал по улице.

Спешить было некуда.

А вот у Кэтрин Уивер и Виктора Холланда время истекало.

Глава 4

Отдыхать было некогда. Они пробежали еще шесть кварталов – Кэти показалось, несколько миль. Виктор как будто и не устал. Он вел ее по боковым улочкам, избегая людных перекрестков. Она послушно следовала за ним. Ужас понемногу уходил, и его место занимали усталость и безразличие. Кэти не понимала ни где они, ни куда идут. Ею все сильнее овладевало чувство нереальности. Сам город, утратив знакомые, узнаваемые приметы, представал каким-то киношным – асфальт, фонари, бетон и бесконечные повороты. Реальным был только идущий рядом мужчина – уверенный, быстрый, с цепким взглядом. Кэти знала, что ему тоже должно быть страшно, но никаких признаков этого страха не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tess-gerritsen/svidetel

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити